

Глава 4

Он бежал, пока земля не стала размытой, пока мышцы спины не сгорели под весом неба на его плечах, и он больше не мог бежать. Он бежал, пока земля не стала небом, а его левая сторона стала правой, его ноги не заплелись, и он не упал на землю, тяжело дыша. Его рука была измученным беспорядком, но он не чувствовал боли, даже когда суставы были согнуты кое-как, а мышцы были разорваны, а кровь текла черным. Он не мог остановиться, не сейчас, когда с каждым мгновением пульсировала опасность. Он не был в безопасности, потому что эти земли были не его.

Его тело устало от усталости и боли, но его разум был ясным. Его огонь горел с яростной интенсивностью, бушующим сопротивлением, которое подпитывало его, подтолкнуло его, побудило продолжать идти вперед. Это была уверенность, это была гордость. Это было твердое решение, которое было установлено в его кости. Далекие Земли не требовали его, даже если он должен был вырваться из своего самого глубокого, самого темного места когтями. Это он клялся, это он знал. Он не умрет, не здесь. С ревом, который был более диким, чем какое-либо животное могло издать, он встал. Он должен был двигаться вперед.

С трясущейся ногой, которая грозила сложиться под ним в любое время, он неуверенно поднялся на ноги. Один шаг. Два. Он толкнул вперед, вес его тела, как гора камня, его мускулы напряглись и быстро вздымались.

Один шаг. Два. Труп крауля остановил его, его массивная куча плоти тяжела. Тем не менее, он боролся, ноги зарывались в землю, мышцы напрягались, пока, наконец, что-то не случилось. Послышался ужасный мучительный звук, отвратительный звук разрыва, когда сухожилие разорвалось, а его нога сломалась. И тогда мир развернулся черным, а его голова ударилась о землю.

Он мечтал.

Он мечтал о завихрениях красного и белого, в штормах боли и жгучего тепла. Он мечтал о смерти своими вездесущими глазами. Он мечтал о жестокости и бойне, которую он знал всю свою жизнь. Ему снилось, что его тело разорвано и съедено птицами. Он почувствовал, как их когти врываюся в него, боль, как раскаленные иглы, когда его чешуйки раскололись, а его плоть утихла. Он почувствовал, как его тело разорвалось наполовину, когда жадные рты пожирали его живьем. Он ощущал боль, ощущал ужас, ощущал беспомощность, поскольку он мог только следить за тем, как его едят. Тогда он знал, что он находится на грани смерти. Он мечтал на грани смерти.

Он был не один, поселился там на пропасти. Он слышал, как другие говорили, их голоса пронзили его мысли. Шепот наполнял его разум, холодный, как лед, и острый, как лезвие. Он был шепотом мертвых, он мог чувствовать их всех вокруг себя, чувствовать их теплое присутствие и их постоянный жужжащий пульс. Он слышал боль в голосе; они звали его.

Андахель. Мы слышим тебя, Андахель. Оковы становятся слабыми, а темнота мешает. Освободи нас, отпрыск Андахеля. Разорви наши клятвы.

Тогда в его голове раздался еще один голос, такой добрый и мягкий, что он согревал его сердце. Чувство знакомости наполнило его грудь, смягчив его сомнения. Все эти годы никогда не лишали его памяти; он будет помнить этот голос независимо от того, сколько времени пройдет. Это был голос его рождения, голос камня, из которого он родился. Это был утешительный и твердый, пожилой голос, который держал следы бесконечной мудрости и еще

большого терпения. Это был голос земли.

Освободи их, дитя мое. Разорви их клятвы. Тьма поднимается, и нам нужна их ненависть.

Если бы земля пожелала ему освободить эти духи, тогда он с радостью сделал бы это. Для земли, для его рождения, он сделает все. Он оставил бы все, потому что он был обязан всем этим. Это была преданность, которую он проявлял семье и только семье. Но сомнение подкралось к нему на мгновение, неопределенность заставила его замолчать. Он не знал, как освободить этих духов, как сломать их цепи.

Ты еще не можешь двигаться, дитя мое, поэтому я вылечу твоё тело. Ты еще не видишь, мое дитя. Ты еще не можешь открыть свои глаза, поэтому я даю тебе это, пока. Возьми их и посмотри, дитя мое. Возьми эти глаза.

Нежное тепло наполнило его, погрузившись в его сознание белыми лентами. Они связали его плоть; он не мог видеть себя во сне, но знал, что он уверен, что может что-то знать. Они сплели плоть, связывая мышцы и заживляя кожу. Разрушенные кости снова укрепились, его сломанное тело родилось заново с даром земли. Тепло наполнило его грудь, прежде чем пошевелиться на его шее, прядь тепла подкралась ему в лицо.

Огонь наполнил его глаза, палящий блеск, который окунулся в его сознание. Только через мгновение он понял, что его глаза уже открыты, открылись во сне. Он увидел ослепительный белый свет, который заполнил поле его зрения, и он понял, что это был белый дух. Он увидел его медленное пульсирование, его славное сияние, которое охватило все свечением.

Он видел все о них, все, что можно было увидеть. Он наблюдал за их умирающими моментами, их рождением и всем тем, что проходило между ними, мелькнувшими в вечной секунде. Он увидел как те, кто болел, их духи извивались в агонии, когда они свернулись вокруг черного осколка. Он стоял черный, не как ночь, а как ничто. Поверхность была гладкой, как вода, бездонная, как море. Тени обняли его, извиваясь, как змеи, когда они обернулись вокруг духа. Черная дымка выливалась из толпы, холоднее льда. Он мог чувствовать тягу черного осколка, чувствовать его злобное присутствие, закрепляющее этих духов. Это была кандалы, о которых они говорили, цепь, которую он должен сломать. Он связал их здесь, их мучения.

Больно, они закричали. Они извивались и скручивались - тысяча голосов, тысяча безликих шепотов. Сам воздух вокруг них безумно искажался, извиваясь от их беззвучного вопля. Они не могли убежать, потому что те тени, скрытые в тумане, связывали их. Он понял, что тени, подобные тем, которые жили во время Феллс.

Освободи нас, отпрыск Андахеля. Разрушь это мучение. ОСВОБОДИ НАС. Мертвые в отчаянном отчаянии вскрикнули от буйной боли. Их мысли добавились только к шторму, который напал на него без пауз, бросил его в шок и угрожал взорвать его в море. Бездна уселась в его кости, его вес был намного тяжелее, чем любая плоть могла когда-либо надеяться. Страх удержал его, его хватка была холодная. Он боялся делать то, что пожелала земля, и его преданность и доверие боролись с самосохранением. В конце концов, его вера победила.

Его разум тверд, его решение принято, он смягчил свою борьбу с голодным голосом осколка за самые короткие моменты, чувствуя, как он разрывает его сознание и приближается. Медленно, он протянул когти, чувствуя, как они касаются поверхности глянцевого черного камня.

Боль.

Это было первое, что он почувствовал. Это все, что он чувствовал. Совершенно ошеломляющая, разрушающая кость боль, которая вырвала все мысли из его разума и проглотила его целиком. Он потерял себя в волнах этой ужасающей агонии, которая заставила его кричать. Это была явная пытка, которая охватила его дух в железных тисках и разорвала его в обрывки и клочки.

Затем боль исчезла так же быстро, как и пришла. Черный туман уселся над его телом, ошеломляя все ощущения, когда он коснулся его, пока он ничего не почувствовал. Он ничего не чувствовал, поскольку тени, обернутые вокруг него, ничего не чувствовали, когда они начали копать в его плоти. Это было блаженное облегчение, он ничего не чувствовал, когда умер.

Шепот. Голоса. Он слышал мертвых, их шум был призрачным тихим против хриплой симфонии его мучительных криков. В его голове мелькнули образы. Кости. Огонь. Поле трупов, пурпурная молния, потрескивающая, как непрерывная буря. Он видел смерть в его голове, смерть вокруг него.

Ты хочешь умереть?

Мертвые были бесчисленны, их голоса навсегда оставались пустыми. Вопрос повторился в его голове, сохраняя воспоминания о сердцебиении.

Ты так слаб?

Он пошевелился, задавая вопрос, чтобы стряхивать узы, которые осаждали его. Всю свою жизнь он считал себя сильным. Ни разу не сомневался, что его яд просочился в его вены. Он не понимал, что это было бы совсем иначе, и неуступчивая боль, которая послала его разум в дымку, стала ослабевать.

Тогда освободи нас. ОСВОБОДИ НАС.

Теперь не было места, где он умрет. Сильные пировали на слабых, и он не был слабым. Он не умрет здесь. Кричащий ветер потрескивающий силой обрушился вокруг него, взбивая сознание и угрожая разорвать его сосредоточенность на куски. Но он не уступит. Он не дрогнет. Он не был слабым. Он был сильным. Он не умрет здесь.

Послышался крик ярости, возможно, от него, возможно, от сотен мертвых, которые поднялись, чтобы одолжить ему свою волю. Они раздувались вместе в неумолимой силе, сокрушая всех на своем пути, нападая на почерневший осколок. Фиолетовая молния трещала и зашипела в угрожающей каденции, искры искривлялись безумно, когда он снова и снова ударял в возвышающийся шпиль только со своей волей. Его воля была твердой, его решимость была непоколебимой. Он не был слабым. Он был сильным. Он не умрет здесь.

Теперь осколок был сломан, черный туман, который ранее облегал его, теперь собирался в плотный туман, заряженный силой. Но даже без его притяжения, духи мстительного мертвого поразили с большим гневом и большим гневом, разжигая белые полосы сквозь черный туман, поскольку по частям он становился все меньше и меньше. Неожиданное давление внезапно набросилось на его разум, сокрушительный вес, который задушил его мысли в агонии. Он мог только смотреть, как огонь и молния вырываются в адской мести, и черный туман треснет от ужасного звука, который был у него в уме. Даже не чувствуя себя, он знал, что он сломал его, нанес урон, который никогда не исцелил бы.

Прикованные духи разорвались на тысячи кусочков, как сокрушенное стекло, плывя плавно, как сверкающая пыль в воздухе. Подобно шторму, они закрутились вместе, прежде чем

проскользнуть прямо в его дух, вдохнув в него яркий свет, прежде чем погрузиться в него. Он чувствовал их в себе, чувствуя, что их сила стекает в него, когда поток течет бушующей рекой. Сделано; они были освобождены.

Братья. Прошептал хор холодных голосов, прежде чем замолчать.

Он втекал в него, укрывшись в глубине ума, как катушка змей. Их духи были теплом, мягким пульсированием, которое было нежным в отсутствие той боли, которую он только что ощущал.

Ты поступил хорошо, дитя мое. Земля. Его отец, его проводник. Он разбудил его, отвлекая его от снов.

Он проснулся, и его правая рука была в агонии, и каждый пульс его сердца ощущался, как будто горячие иглы копались в его плоти. Дрожащий вздох прорвался, когда он посмотрел вниз, чтобы увидеть новую кожу и целые кости. Я исправлю это тело для тебя, провозгласила земля, и он вспомнил это сейчас. Его тело было исцелено землей, но боль все еще наполняла его запястье. Поглощающий туман, который когда-то окружал его, теперь рассеялся, черный осколок остался позади.

Собственная воля искала плоть и впадала в правую руку, обжигая плоть вокруг нее своей силой, пока кожа не обуглилась черным. Он взвыл от боли, схватившись за руку, когда из-под его когтей запахло едким дымом. Черный драгоценный камень сиял, как бездонный бассейн, без глубины и без вещества. Казалось, что можно было бы проскользнуть в него, можно упасть вперед, как в тот самый сон, из которого он пришел.

Его разум вспомнил мечту, в которой он оказался, его душевное состояние, когда он лежал в безмятежной спячке. Он всегда знал, что духи вокруг него, земля рассказала ему во время его рождения. С тех пор, как шел его десятый год, он чувствовал их вокруг себя, их мягкое жужжание и нежное тепло. Но сейчас он видел их.

Он жаждал снова открыть эти глаза, но старался, как мог, и не мог. Однако решимость заставила его сжать зубы. Если бы это было сделано раньше, это можно было бы сделать снова. Даже если он не мог видеть духов, он все равно мог чувствовать их пульс. Он снова откроет эти глаза; он пообещал это.

Тем не менее, еще одна мысль съела уверенность, которая только что наполнила его: шла ночь.

Он хотел почувствовать дух, жаждал использовать горячую силу, которая горел сквозь его вены, но времени не было. Он должен был спешить. Тени поднимались от сна, те же тени, которые наполнили его мечты. Его земли были еще там, где солнце пряталось ночью. Там, где красные, треснувшие глиняные равнины превратились в скалистые холмы, где они встретили скальное море, это были его земли. Они были недалеко, но у него не было времени. Уже солнце пряталось, только самый яркий край его света выглядывал над горизонтом, когда луны и звезды ждали, чтобы показать себя. Когда красный свет солнца исчезал, и сиял зеленый свет лун - тогда появлялись тени.

Он уже видел их: их черные тела искажались, когда они неслись, чтобы пировать на сломанных трупах. Он слышал их шум, или, скорее, отсутствие его, тишину их беззвучных шагов, эхом повторяющихся всю ночь, когда они преследовали свою добычу. Он чувствовал их запах, зловонный запах крови и смерти, гниющих на их бесформенной коже. Он мог чувствовать их, их ауру тьмы и заблуждения, которые последовали за ними. Они здесь не принадлежали. Они не были на земле. Если бы они пришли за ним, не было бы спасения.

Он хромал, возвращаясь к своему логову, неся тушу крауля на широких плечах. Он не остановился, чтобы отдохнуть. Будет достаточно времени, когда он будет мертв. Не было времени. Когда последние линии солнца опустились за землю, он увидел это: его дом. Его.

Обещание безопасности заставило его взлететь с новообретенной энергией, пока он тащил крауля к своему логову. У него не было времени, чтобы переместить валун, вместо этого он сломал его своими когтями, земля уступала ему, ощущая его настоятельную необходимость. Он потащил труп за собой в пещеру. Затем он рухнул, грудь ударилась об камень с приглушенным стуком.

Его разум был в ярости от его слабого тела. Настало время спать, но позже - у него были дела, которые нужно сделать в первую очередь. Он хотел двигаться, но руки его не откликались, пальцы слегка подергивались. Он просто лежал там, задыхаясь, грудь вздымалась, его ум начинал чувствовать свет, поскольку обещание покоя и безопасности заливало его тело. Мысль о безопасности заставила его устать.

Мысль о безопасности сделала его слабым.

В Далеких Землях такая слабость будет убита. Об этом ему напомнили, поскольку он почувствовал, как шепчет холодная сталь, вырывая из его горла пятнистую кровь.

<http://tl.rulate.ru/book/8591/162642>